

НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ
НАТАЛИИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

БЕДНЫЙ БОБИК
ДВА СОЛНЦА В МОЕЙ РЕКЕ
СОЛНЦЕ НА АНТРЕСОЛЯХ
КУДА УЛЕТАЮТ АНГЕЛЫ
ЛАСТОЧКА
МАРИМБА!
МОЙ ЧЕЛОВЕК
НАРИСУЙ МНЕ В НЕБЕ СОЛНЦЕ
ОЗЕРО ЗАМЕРЗШИХ КУВШИНОК
ПОХОЖАЯ НА ЧЕЛОВЕКА И УДИВИТЕЛЬНАЯ
ПТИЦА, ЛЕТАЮЩАЯ К НЕБУ
СИБИРСКИЙ ПАПА
СИНДРОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО ЁЖИКА
СТРАСТИ ПО МИТРОФАНУ
ТАНЦУЮЩАЯ НА ВЕТРУ
ТВОЯ ЗВЕЗДА
УЧИЛКА
ФЕЕЧКА
ЧИСТАЯ РЕЧКА

НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

ОЗЕРО
ЗАМЕРЗШИХ
КУВШИНОК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на переплете — Виктория Лебедева

Терентьева, Н.

Т35 Озеро замерзших кувшинок: [роман] / Наталия Терентьева. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Золотые небеса).

ISBN 978-5-17-182684-0

Что делать, если твои выросшие дети хотят совершать свои ошибки, лучшая подруга потеряла голову от поздней любви, а тот, с кем ты простилась навсегда, снова собирается появиться в твоей судьбе? И когда ты уже не хочешь никому нравиться, ты вдруг заставляешь кого-то забыть обо всем и спешить к тебе из далекой юности.

Лене предстоит сложный выбор — между прошлым и настоящим, между любовью и обидой, между долгом и чувствами, между привычной жизнью и манящей красотой чужой холодной страны.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-182684-0

© Н. Терентьева, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Благодарю свою дочь за искреннее участие
в написании книги, бесценные советы,
юмор и оптимизм.

Две вещи наполняют душу удивлением и благоговением —
звездное небо надо мной и моральный закон во мне.

Иммануил Кант

Когда все твои друзья потихонечку сошли с ума — кто от одиночества, кто от беспросветной нищеты, кто от невозможности смириться с неизбежностью старости, кто просто потому, что ума было мало, мозг постарел, как и всё остальное, то однажды оглядываешься кругом и понимаешь — а нет никого больше. Старые, смешные, злые...

Давай еще раз, так не пойдет.

Почему?

Грустно, безысходно.

Но это же правда.

Никому такая правда не нужна.

Нужна!

Нет.

Правда одна!

Нет, одна — истина, но ее никто не знает.

Хорошо, я попробую начать с начала. Осень — прекрасное время года. Впереди — долгая зима, а за ней — весна. Можно полгода мечтать о весне, лете, тепле. Зима — время мечты. Осень жизни тоже прекрасна, почти как в природе. За исключением того, что весна уже не наступит.

Так тоже плохо.

Почему? Это же красиво.

Это уныло, безобразно. И тем более, что весна наступит у внуков. Вот родятся внуки, это и будет весна.

Мой собеседник уверен в себе, а я нет. Мой собеседник думает, что будет жить вечно, а я — нет. Мой собе-

седник молод, энергичен, влюбчив, строит планы на будущее, а я уже нет. Он — это я. А я — это не он. Он живет внутри меня. Он всегда молод, всегда отчаянно романтичен, всегда верит в людей, в любовь, в справедливость. А я — нет. Я живу долго на этой земле, уже долго, уже чувствую это странное слово «давно», я уже была очень разной — смирялась, отчаивалась, теряла, обретала, ловила руками пустоту, падала в бездну, воскресала к жизни. А у него нет возраста. Он не чувствует его. У него нет рук, которые могут уронить чашку, у него нет ног, которые болят от усталости и тяжестей, от тех, что должен был перетаскивать кто-то сильный, а перетаскивала я, у него есть только душа. Вечная, наверно.

Глава 1

— Мам, Паша пишет, спрашивает, почему тебе не нравится картинка. Что ответить?

— Что она ужасна.

— Так нельзя.

— Тогда ничего.

— Так тоже нельзя. Мам, ну ты же взрослый, серьезный человек!

— Хорошо, напиши, что Алишер Навои — великий узбекский поэт. Только я писала не про узбеков, я про них ничего не знаю.

— Мам, это очень сложно, Паша не поймет. Можно я про Навои писать не буду?

— Не пиши. Но зачем было рисовать узбечек, которые играют на лютне? При чем здесь лютни, откуда он их взял? Я же писала про редкую бабочку, теру можжевельниковую!

— Паша не рисовал, он хороший художник, он не мог так плохо нарисовать, тем более не мог не знать, что у лютни не три струны, это же не балалайка! — Поля хмыкнула. — Просто у него не было времени и задора, и он попросил искусственный интеллект нарисовать что-нибудь подходящее, на что может сесть эта тера... Как ее?

— Можжевельниковая.

— Ага! Там же бабочка на лютне сидит, приглядишься! — Поля засмеялась, приплясывая, чмокнула меня и пошла

дальше. — Ты тоже можешь попросить искусственный интеллект написать тебе статью. Или лучше рассказ: «Шла одинокая женщина по улице, споткнулась, упала, ей помог встать одинокий мужчина, он всю жизнь мечтал встретить такую женщину, они полюбили друг друга и поженились, уехали жить к нему в большой загородный дом».

— А если они старые и глупые, у них болят ноги, и они всё забывают?

— Тогда на следующий день они всё забудут, снова встретятся и снова влюбятся. И так будет повторяться долго-долго. И потом они умрут в один день, но этого ИИ уже не напишет, потому что ему нельзя ничего придумывать про смерть и всякие ужасы. Он настраивает людей на позитив.

— Смешно.

— Ну вот, ты улыбнулась! От улыбки серый день светлей, мам! Как же я ненавидела эту песенку в детстве!

— Почему?

— Потому что под нее приходилось вставать в семь утра и делать зарядку и тащиться в школку, и там подыхать с тоски. Я не понимала — почему нельзя выспаться и пойти в школу с хорошим настроением? — Поля обняла меня и чмокнула в щеку. — И ты всегда со мной вставала, даже если у тебя первой пары не было. А я со своими детьми вставать не буду! — Поля сама засмеялась и прошлась по комнате, приплясывая.

Моя дочь немного похожа на меня, но только немного. Лицом, голосом, влюбчивостью, смешливостью. Надеюсь, что у нее будет другая судьба, что ей достанется всё счастье, которое не досталось мне. Для этого нужна самая малость — чтобы она была похожа на меня как можно меньше. Чтобы она не слушала моих мудрых советов, чтобы ей чуть больше повезло, чтобы у нее оста-

вался такой же легкий характер и дальше. Чтобы она смеялась от чужой подлости и измен, чтобы выбирала *тех*, а не *тех* гнала подальше или обходила сторонкой, чтобы слушала голос разума, чтобы голос сердца всегда был мудр и спокоен. А так бывает? Не знаю. Наверное, обязана знать по возрасту и статусу опытной матери, но не знаю.

— Мам, пишет швед, что ответить?

Почему-то моя дочь думает, что может ответить за меня. Иногда она тоже просит меня ответить за нее — тем поклонникам, которыми не дорожит. А иногда отворачивает от меня телефон, чтобы я не увидела чье-то сообщение и не разбила в пух и прах очередную иллюзию/игру/мечту. Разве можно мешать детским играм? Детским — потому что твои дети — всегда дети, это же аксиома.

— Ответь, что... Просто поставь цветочек и задумчивый смайлик.

— То есть намекнуть, что он лысый, как облетевший одуванчик, и ты задумалась, хорошо ли это?

— Поля!.. — невольно улыбнулась я. — И он не швед, а финн!

— Но мне так больше нравится. Швед звучит ласково, и Карлсон жил на шведской крыше, и вообще как-то... романтичнее... Финны мне непонятны, их предки — гномы, которые жили внутри северных гор, помнишь такую сказку? Они собирали драгоценные камни и не размножались, у них не было ни женщин, ни детей. Они жили долго-долго... И некоторые из них стали финнами.

— Поля, что ты рассказываешь!.. — засмеялась я.

— Да-да! И твой швед ооочень похож на гнома! — Поля сделала забавную рожицу, быстро нарисовала смешную фигурку в колпаке, и сама засмеялась. Поля — дитё, она еще живет, играя.

Но мне ведь тоже нужны игры. Я тоже — иногда — чувствую себя собой, особенно когда не выгляжу лет на пятнадцать старше, чем мне есть на самом деле. Ведь на самом деле мне столько, сколько внутри. А внутри еще долгая жизнь, которую мне надо прожить. Встречать кого-то, разочаровываться, снова увлекаться, что-то придумывать, куда-то ехать. И если у меня нет на это сил и задора, значит, я плохо выпалась, вот и всё. «Старость — это усталость», — говорила моя бабушка со знанием дела. Но она говорила это, разменяв девятый десяток. Мне до этого еще скакать и скакать, таскать тяжести на даче, писать статьи, ставить тройки студентам, сочинять рассказы, влюбляться... Не знаю, нет. Точно не уверена, что я могу влюбиться. Программа, заложенная в нас чем-то или кем-то, что называется природа, эволюция, Бог или высший разум, не дает возможности рожать после того, как Земля, по которой ты бегаешь вместе с муравьями, лосями, волками и тараканами, обернулась вокруг своей оси больше пятидесяти раз. Почему? Если бы я обладала разумом, способным объять такое необъятное, я бы занималась только наукой, глубокой, фундаментальной, искала бы, вместе с десятками беспокойных мужчин, живущих в разных частях света, причины и следствия, и ответы на самые главные и неразрешимые вопросы. Но мой разум не настолько велик. Я думаю о том, смогу ли я еще полюбить кого-то, я хочу однажды улыбнуться в ответ кому-то, кого, возможно, пока не знаю, но кто покажется мне самым лучшим на свете.

А швед, он же финн, обещает приехать уже лет пять. Когда-то он мне написал, что купил мою книгу новелл в Стокгольме, куда ездил к друзьям, рассказал, что учился в Москве на инженера, спросил, люблю ли я осень или предпочитаю лето, и незаметно за разговорами прошло пять лет. Или семь. Время ведь летит так быстро.

Оглянешься — только что тебе казалось, что ты стара, потому что завтра тебе исполняется сорок и, конечно, сорок никто не празднует, именно потому, что это сорок, это наступившая старость. Все девочки боятся этой границы. За ней начинается другая жизнь — сначала баба ягодка опять, или не ягодка, как получится... а потом... И вообще это верная примета — отпразднуешь сорок, долго не проживешь. Хотя зачем жить, когда ты уже не молод? — думаешь ты в тридцать девять. А спустя десять лет ты объясняешь себе, что самая круглая дата в твоей жизни (до ста доживают только бодрые полумифические женщины из далеких-далеких морских стран и с высоких-высоких гор) — это еще не старость. Потому что неожиданно еще может стукнуть сердце тревожно и радостно, когда тебе напишет кто-то из прошлой — молодой, юной, детской жизни, тот, кто когда-то был молод и весел, у кого искрились глаза, с кем хотелось долго-долго идти за ручку, под ручку, в обнимку далеко-далеко, и чтобы это не кончалось, но этого просто не было. А вдруг будет сейчас...

— Мам, у тебя сегодня урожай! Просто обострение какое-то, вроде до весны еще далеко!

— Что?

— Да опять пишет этот уродец!

— «Швед»?

— Да ладно, швед — милашка, одуванчик, европеец! Пусть приезжает, расскажет в лицах, как живется им при социализме и почему они вешаются так часто! Нет, другой... Зачем ты с ним вообще поддерживаешь отношения? Скучно? Книжку почитай лучше!

— Дочка, я столько книжек в своей жизни прочитала, мне это не помогло.

— Мам, ты не счастлива?

— Я счастлива. Просто...

Как сказать любимейшей дочке, что не надо читать все мои сообщения? Да и почему, собственно, не надо? Ведь это так весело — вместе смеяться над тем, что мои поклонники смешны, дряхлы, теряют разум быстрее, чем свою мужскую силу и привлекательность (у кого она была), над старостью вообще смеяться весело, а не смеяться нельзя, потому что кто же не боится ее, навязчивой подружки, приходящей лишь к тем, кому удалось дожить до встречи с ней. Остальные пока просто смеются, втайне надеясь на встречу — когда-нибудь, не завтра. И что она явится им в ином обличье — не безобразном, не больном, не дряхлом. А вполне себе прекрасном. Ну бывает же так! У китайцев, проводящих по восемь часов в день на тренировочных площадках, у японцев, питающихся морскими водорослями, у рокфеллеров, меняющих сердца и почки, как картриджи у принтера — р-раз — и ты снова молод и готов влюбляться, жениться, управлять миром.

— Мам!.. Так что ему ответить?

— Ты же не отвечаешь тем, кто тебе совсем неинтересен.

— Ваше поколение не понимает такого языка. Вам нужны ответы.

— Это правда. Кому именно ответить?

— Да однокласснику твоему.

— Он из параллельного.

— Ну из параллельного, всё равно уродец!

Ревность выросла вместе с моей дочкой. Сыновья родились очень рано, быстро выросли, старший Антон сразу ушел — к другим женщинам, в другую жизнь, в свои правила, в свою реальность. Когда Антоша приходит, он рассказывает мне, как жить, как общаться с людьми, привозит подарки, еду, он боится, что я недоедаю, он покупает мне билеты на самолет и поезд, чтобы я ездила

по свету и получала впечатления, обижается, что я никуда не хочу ездить и сижу на старой даче с кошками, розами и старыми соседями, у которых тоже выросли дети, те самые, с которыми когда-то дрался и гонял на великах мой самый уверенный в мире сын. Я же хотела, чтобы он стал уверенным в себе, твердо стоял на обеих ногах, чтобы его любили женщины, чтобы он занимался хорошим делом и получал за это достойную зарплату. Всё получилось. Немножко не так, как мне хотелось, «во втором чтении, с поправками», но получилось. Почему же мне иногда так обидно?

Второй сын — это второй сын, младшенький, когда-то он был всегда маленьким, всегда самым несчастным — он не хотел есть ничего и никогда и долго-долго был такой худой, что плакали даже чужие, глядя на него. Потом мы нашли причину — загадочную скарлатинозную лихорадку, которая трепала Лёшу каждую весну и не давала ему нормально расти остальное время года, быстро с ней справились с помощью врачей Морозовской больницы, изругавших нас, за то, что мы столько лет мучили ребенка, не понимая, как и отчего его лечить, и сразу не привезли к ним. Лёша стал есть, ему подарили на радостях первый компьютер, Лёша обнаружил, что есть потрясающий, совсем другой мир, с другими законами и без людей, и тут как раз вскоре родилась Поля, и она стала младшей, любимой, балованной, потому что не баловать детей у меня не хватало сил, слишком сильно я их любила и люблю. Ума хватало, чтобы понимать, что баловать детей не надо. А воли — нет.

Поля, когда подросла, пошла ходить по свету — старшие братья же пошли, и она тоже, вслед за ними. Чуть-чуть походила — год поучилась в Питере, очень хотела учиться именно там, именно у определенного мастера, хотела стать мультипликатором, и вернулась домой, ко

мне, еще совсем юная и полная надежд, мир не успел ее разочаровать. Просто дома теплее, светлее и вкуснее. И на мультимпликатора она теперь с удовольствием учится в Москве, у того же мастера, который успеваает преподавать и в прекрасном Питере, где можно сесть на электричку и через полчаса выйти на берегу моря, погулять и приехать обратно, в сумрачный, величественный, дождливый город, прекрасный в любую погоду, и в нашей распухающей отстроек и гостей, приезжающих, чтобы остаться, но по-прежнему любимой нами всеми Москве.

У моей Полюшки огромное доброе сердце, ей, наверное, надо родить семь или девять детей, по меркам девятнадцатого века уже как бы не поздно начинать рожать, Поле уже двадцать один год, а по нашим меркам — рано, сама еще ребенок. Так что моя дочка пока воспитывает меня и котов. У моих детей слишком большая разница в возрасте, поэтому им трудно дружить. Так я себе объясняю, чтобы не очень расстраиваться, что они такие разные, как будто родились и росли в разных семьях. А может, так оно и есть. Наша семья была уже другой, когда малютка Поля побежала по этой земле, только я об этом еще не знала.

— Почему тебе кажется, что Петя уродец? — Я с любовью смотрела на симпатичную, маленькую, веселую Полю, сосредоточенно изучающую дату на каком-то лекарстве — Поля время от времени совершает рейды по домашним закоулкам с единственной целью — найти то, что можно выбросить, чтобы однажды вещи не стали главными хозяевами нашего дома и не сказали нам: «Увы, а вот для вас здесь места больше нет!»

— Почему-почему... — Поля засмеялась. — А ты видела, как он выглядит?

— Нормально. Он... м-м-м... улыбочивый.

— Мам, он алкаш!